

Вольтарина де Клер

АВТОНОМОВ

1952

На страницах русской анархической печати о Вольтерине де Клэйр было сказано очень мало. А между тем, это была далеко незаурядная женщина. Она не только стояла несколькими ступеньками выше своего времени, как это справедливо замечает один из ее современников, но и сочетала в себе все лучшие и самые светлые качества, какими только может природа одарить человека.

Родилась Вольтерина де Клэйр 17 ноября 1866 года в небольшом городке в штате Мичиган. Это особенно важно отметить, ибо в Соединенных Штатах господствует мнение, что коренному населению этой страны чужды радикальные идеи. (Революцию создают евреи, — говорили когда то русские черносотенцы, а американские черносотенцы твердят: революцию создают иностранцы). Отец Вольтерины де Клэйр — потомок французских переселенцев — увлекался Вольтером, поэтому он пожелал, чтобы его дочь носила имя этого выдающегося мыслителя. Вольтерианство в доме де Клэйр, однако, продолжалось не долго. Когда Вольтерине исполнилось 13 лет, она по воле родителей, забывших уже о Вольтере, должна была оставить отчий

Автономов
Вольтарина де Клер
1952

«Дело труда — Пробуждение» №39, 1952. С.6-9

ru.theanarchistlibrary.org

дом и своих сверстниц и переселиться за мрачные стены католического монастыря, в холодной канадской провинции — Онтарио. Там, вдали от шума и света, она прожила до самого своего расцвета — до 17 лет, преуспевая в познаниях, если можно считать познаниями то, что преподается в монастыре. Как правило во всех таких случаях, из Вольтерины должна бы была выйти набожная монахиня. Однако, вместо носительницы черных одеяний, она стала носительницей черного знамени. Эта “метаморфоза,” пожалуй, самый красочный штрих в жизни Вольтерины де Клэйр. Всюду теперь мы слышим: пропаганда, пропаганда! Большевики твердят, что против них ведется злостная пропаганда; Вашингтон ассигновал огромные суммы на борьбу с пропагандой, идущей из красного лагеря. Но какая пропаганда могла коснуться Вольтерины де Клэйр? Кто мог сказать молодой девушке, что в мире есть такие-то и такие идеи? Кто мог снабдить ее соответствующей литературой? Никто! Вольтерина де Клэйр была отрезана от всего мира. Она не читала никаких радикальных книг. И тем не менее, она нашла и вышла на путь Анархии. Это как нельзя лучше подтверждает, что великие идеи не приносятся извне, а рождаются внутри человека. Вольтерина де Клэйр вынесла из монастыря то, о чем она там никогда не слышала: вольнодумство. В одной из своих статей она рассказывает весьма забавный эпизод по этому поводу.

Наставница всячески уговаривала ее пойти и извиниться перед высшим монастырским начальством за проявление своеволия. “Но ведь это будет ложь, — сказала де Клэйр. — Я должна буду говорить не то, что я чувствую, а совесть не позволяет лгать.” “Дитя мое, — подхватила наставница, — меньше всего прислушивайся к голосу совести, а старайся выполнить все то, что приказывают стоящие выше тебя”. (Аналогичная сценка имеется в романе И. Наживина “Молодежь,” где монахиня доказывает скеп-

что мы не связка хорошо изложенных рассуждений, а бездонная глубина всяких странных ощущений, бурное море чувств... Заглянуть в эту глубину, познать мрак, полночь, отжившие века в себе... видеть, знать, чувствовать с предельной остротой... вот что анархизм мог бы означать...

“А потом, обратившись к облакам, к звездам, к небу, позволить своим мечтам свободно нестись к ним... рисуя бесконечные картины, создавая неслышные симфонии... целуя цветы... нестись свободно, свободно за пределы того, что страх и привычка называют «возможным». Все это анархизм может явить.»

Конечно, это поэзия. Но анархизм, в сущности, и должен быть поэзией.

тически настроенной послушнице, что каждый человек, переступая порог монастыря, должен оставлять свой ум по ту сторону порога). Коротко и ясно: не надо ни ума, ни совести, — достаточно одного слепого повиновения. Это окончательно подорвало в душе девушки веру в “святость” и «непорочность» монастырских порядков.

Случилось так, что вскоре после выхода де Клэйр из монастыря, в Чикаго на знаменитой Сенной площади произошли первомайские беспорядки. Газеты изо дня в день писали, что беспорядки вызваны анархистами и что люди погибли исключительно по вине анархистов. “Это ужасно, — воскликнула де Клэйр, — всех этих анархистов нужно повесить.” (Де Клэйр в то время примыкала к секуляристам — сторонникам обращения церковного имущества в светское). Анархисты действительно были повешены. Впоследствии де Клэйр нещадно сама себя бичевала за эти слова: “Я знаю, — пишет она, — что как погибшие мученически наши товарищи, так и оставшиеся в живых их единомышленники, прощают мне за это, но я сама себе простить не могу. Я была глупа, — продолжает она, — и это все, что я могу найти в свое оправдание».

О, ирония судьбы! Никто так не воспел Чикагских Мучеников, как Вольтерина де Клэйр. Она посвятила им много прекрасных статей и — еще более прекрасных — стихотворений. (Де Клэйр была не только писательницей, но и поэтессой).

Значительную часть своей жизни Вольтерина де Клэйр прожила в Филадельфии — этой колыбели американской независимости. Там началась ее общественная деятельность. Не было ни одного съезда, ни одного митинга, ни одного конгресса свободомыслящих (фритинкерс), — где бы эта цветущая девушка, с двумя тяжелыми косами, плавно ниспадавшими с ее плеч, не принимала участия. Слушая лекции Кларенса Дарроу, де Клэйр проникалась со-

циалистическими идеями, в качестве защитницы которых ей вскоре пришлось понести поражение. Победителем оказался анархист. С тех пор Вольтерина де Клэйр до конца дней предрассветной Венерой сияла на фоне Анархии.

По мнению Макса Неттлау, Вольтерина де Клэйр по силе своей идейной чистоты очень близко подходит к Элизе Реклю. У них не было той динамики, которая была свойственна Бакунину, нет той точности и прямолинейности, которая была присуща Кропоткину, но у них было то, что называется духовной чистотой. От них исходил какой то таинственный свет, какое то тепло, отчего всем соприкасавшимся с ними становилось легче и отраднее.

Несмотря на то, что Вольтерина де Клэйр умерла, сравнительно молодой, ей удалось побывать — с лекциями — не только во многих городах Соединенных Штатов, но и во многих европейских странах. Она часами беседовала с Кропоткиным, знала Малатесту, Э. Реклю, Ж. Грива, Д. Ньювенгауса, С. Фора и многих других. Знание французского языка дало возможность Вольтерине де Клэйр не только ознакомиться с трудами французских анархистов, но и перевести эти труды на английский язык. Особенно она старалась популяризовать как идеи, так и личность Луизы Мишель, прославившейся раздачей хлеба безработным, взятого в больших пекарнях.

В жизни де Клэйр был один случай, не укладывающийся в рамки обычной классификации. Это было в Филадельфии. Как учительница, де Клэйр близко познакомилась с бедными иммигрантами — в большинстве из России, — которым она преподавала английский язык а также давала разные советы и наставления. Один из ее учеников, в припадке помешательства, произвел в нее несколько выстрелов, тяжело ранив ее. Стрелявшего арестовали и судили. Пострадавшая, зная какое суровое наказание ждет арестованного, обратилась с просьбой о помиловании его,

Положение круто изменилось, после убийства в 1901 г. президента МакКинли неким Чолгашом, которого все газеты заклеили «анархистом».

Был издан суровый закон против анархистов...

В это самое время, Вольтерине де Клэйр не только удавалось отстаивать правоту анархизма, но и избежать полицейских застенков. Она не была арестована, несмотря на то, что ее лекции неоднократно срывались как «нарушителями,» так и «блюстителями» порядка. Однажды во время обыска на квартире у де Клэйр в руки полицейского попала ее поэма под названием «Червь». Поэма была написана в духе анархизма. Достаточно было пробежать несколько строчек на первой странице, чтобы убедиться в этом, но полицейский не сделал этого.

— Что это у тебя за книжка? — спросил второй полицейский.

— Ерунда, что то про червей, — ответил первый и бросил поэму в сторону.

В другой раз появление полицейских насмерть перепугало дремавшую... кошку. Животное прыгнуло в сторону, опрокинув керосиновую лампу. Лежавшие на столе компрометирующие бумаги воспламенились... Полицейским вместо обыска пришлось заняться тушением пожара. Из-за подобных неожиданностей, похожих на анекдоты, Вольтерина де Клэйр так и не испытала тюрьмы, вопреки попытки властей арестовать ее.

В заключение хочется привести небольшую выдержку, свидетельствующую о том, как Вольтерина де Клэйр смотрела на анархизм:

«О, хоть раз стоять бестрепетно на краю темного потока страстей и желаний... дать этому потоку подняться и разлиться и своей силой потрясти нас... Раз навсегда понять,

ера де Лума, а затем Тукера, и, лишь позднее, она начала отдавать первенство анархо-коммунизму. Одно время она никак не допускала, чтобы человек, будучи анархистом, мог верить в бога. Но вот появился на горизонте Толстой, и де Клэйр, по ее словам, оказалась обезоруженной. (Быть может, если б все анархисты придерживались терпимости, как ее понимала де Клэйр, — работа их была бы гораздо плодотворнее...)

Общественная деятельность Вольтерины де Клэйр протекала в исключительной обстановке. Чикагские события 80 г.г. оставили глубокую рану на теле анархизма. Лучшие деятели и самые преданные идеалисты были выбиты из строя (повешены). Драконовского закона против анархистов еще не было, и эти события способствовали тому, что идеи анархии обсуждались открыто на страницах печатных органов и на улицах. Последовавшее за тем чуть ли не официальное оправдание анархистов (новый губернатор штата Иллинойс выпустил из тюрьмы всех тех, кто был осужден за участие в событиях на Сенной площади) лишь раздвигало рамки анархической пропаганды. В. де Клэйр весьма умело все это положение использовала. В своих лекциях и печатных выступлениях она доказывала, что идеи анархистов и американские традиции во многих случаях вполне совпадают. Стремление Колоний выйти из под опеки Англии обусловлено, по словам де Клэйр, не столько тягой к созданию нового государства, сколько желанием жить свободно и независимо, что подтверждает их стремление повысить местное самоуправление за счет центральной власти; даже Джефферсон, будучи президентом молодой республики, созвучен анархизму, находя нужным умаление власти до минимума для блага народа.

причем, насколько ей позволяли силы, приняла участие в сборе средств на защиту подсудимого. В связи с этим один пастор, перефразируя слова библейского Исаака — («Руки — Исава, голос — Иакова») заявил «на словах — анархистка, а на деле — христианка». Пастор, несмотря на его добрые чувства, далеко не прав, отождествляя добро — с христианством, а антипод добра — зло — с анархизмом. Далеко не все христиане умеют прощать. Принцип мести самым широчайшим способом практикуется среди всех разветвлений современного христианства. С другой стороны, источником анархизма является не месть, не гнев, не жажда крови, а жалость и сострадание к обиженным. Поэтому чувства прощения присущи анархистам в большей степени, чем кому бы то ни было.

Хлопоты де Клэйр освободить стрелявшего в нее, однако, не увенчались успехом. Восторжествовал закон. Стрелявшего присудили к многолетнему заключению, срок которого он не успел отбыть, скончавшись вскоре в больнице для душевно больных. Дикий поступок безумца, несомненно, сократил жизнь Вольтерины де Клэйр. Несмотря на предпринятую после этого по совету врачей поездку в Норвегию, она не могла окончательно оправиться от полученных ран и от пережитых потрясений.

В 1910 году де Клэйр переселилась в Чикаго, чтобы быть ближе хотя бы к праху тех, кого она однажды, по неведению, оскорбила, но идеи которых стали ей дороже всего на свете. Валдгеймское кладбище, где похоронены чикагские анархисты, стало для Вольтерины де Клэйр чем-то вроде Гефсиманского сада. Она посещала это место при каждой возможности. Увы, скоро похоронили там и ее. Скончалась Вольтерина де Клэйр 6 июня 1912 года.

После нее остался сын, Харвей, здравствующий и поныне и носящий фамилию матери.

У Харвей де Клэйр есть и дочь — Вольтерина. Пойдет ли Вольтерина — внучка — по стопам своей бабушки?

В анархическом движении Вольтерина де Клэйр занимает особое место. Она не примыкает ни к какой «школе», ни к какому отвлечению. Она охватывает весь анархизм, одобряет все его виды. Вот, что она говорит об анархизме, анархистах и их методах: «Каждый метод, — пишет де Клэйр, — пригоден для соответствующей индивидуальной способности... Вот Толстой — христианин, непротивленец, художник. Его метод — рисовать картины общества, как оно есть, показывать грубость и ненужность насилия, проповедовать отмену власти путем отвержения милитаризма. Прекрасно! Я принимаю этот метод целиком. Он отвечает характеру Толстого, его способностям. Будем радоваться, что он именно так работает... Вот Иоганн Мост — состарившийся, надорвавший силы на работе, отягченный годами тюрьмы, — но все еще резкий, едкий в своих обвинениях против правящего класса, проявляющий столько энергии, что ее хватило бы на целую дюжину молодых людей, идущий под гору своей жизни, но неустанно зывающий к сознанию несправедливости, причиняемой людям. Прекрасно! Пробуждать сознание людей необходимо. Да будет долго звучать этот пламенный призыв... Вот Бенджамин Тукер — холодный, сдержанный критик, посылающий свои остро отточенные стрелы друзьям и врагам с ледяным бесстрашием, бьющий сильно и метко, — всегда готовый пригвоздить предателя. Придерживаясь тактики пассивного сопротивления, как наиболее действительного средства, он готов изменить эту тактику, как только это окажется нужным. Это отвечает его способностям, в своей области он единственный, неоценимый... А вот П. Кропоткин, обращающийся к юношеству и глядящий светлым,

теплым, любящим взглядом на каждое начинание, приветствующий с детским энтузиазмом восстания рабочих и верящий в революцию всей душой... Ему мы тоже благодарны... Вот Джордж Браун, проповедующий мирную экспроприацию с помощью профессиональных рабочих союзов. И это тоже хорошо. Это его настоящее место. Он здесь дома. Больше всего он может сделать на им самим избранном пути... А там, в Италии, в гробу лежит человек, методом которого было — убить короля и потрясти нацию внезапным сознанием никчемности ее закона и порядка. И его действия я принимаю без оговорок и склоняюсь в молчаливом признании силы этого человека...» Такое всеобщее оправдание всех видов тактики — редкое явление в наших рядах. Очень часто вся истина, целиком и без оговорок, приписывается лишь одному виду действия, в ущерб всем остальным. Есть анархисты никого не признающие кроме Прудона, как основоположника анархического учения (Лев Черный), и, наоборот, есть такие, которые отсылают Прудона в дальний угол, но за то возносят до небес Бакунина (Г. Максимов). Сторонники Кропоткина находят полновесные зерна лишь в анархо-коммунизме, сторонники Штирнера — в анархо-индивидуализме, сторонники Пелутье — в анархо-синдикализме и т. д. Де Клэйр признает право на существование за всеми анархическими течениями. Почему такая терпимость? Потому, что ни одна из анархических схем, по мнению де Клэйр, не может вместить в себе всю истину. Крупицы правды имеются тут и там... Волин пытался слить эти крупички воедино для того, чтобы путем процесса получить синтетический анархизм. Де Клэйр этого не делает — она предоставляет каждому течению анархического мышления идти своим руслом.

Следует, однако, отметить, что Вольтерина де Клэйр тоже прошла известную «эволюцию». В первые годы своего приобщения к анархизму она была последовательницей Двай-